Твердя все то же завсегда,
Уморою сухого склада
Могли вниманье отвратить
Воспетой ими героини
И только от своей богини
Одно зеванье заслужить . . .»

Специально на вопросе о традиционных похвальных одах остановился — несколько позднее, уже в 1794 г. — И. И. Дмитриев в сатире «Чужой толк»:

«Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием все оды пишем, пишем
А ни себе ни им похвал нигде не слышим! . . »

Одический поэт сидит без конца над одой:

«И подлинно уж весь приложит разум свой!
Уж прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода,
Но очень полная, иная в двести строф!
Судите ж, сколько тут хороших есть стишков!
К тому ж и в правилах: сперва прочтешь вступленье,
Тут предложение, а там и заключенье —
Точь в точь, как говорят учены по церквам!
Со всем тем нет читать охоты, вижу сам.
Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы. . .»

и далее идет пародийный перечень общих мест похвальной оды с обязательными восклицаниями, неизбежным «восторгом» и рядом штампованных слов и оборотов.

Ода Крылова в основном повторяет именно такой шаблон. (Замечу, что Дмитриев в «Чужом толке» попутно задел именно «стихотворителя»,

«Которого трудов Меркурий наш и Зритель
И книжный магазин и лавочка полны»,

т. е. скорей всего именно Крылова, издателя «Зрителя» и «СПб. Меркурия», или, может быть, Клушина).

В этом отношении характерно то, что Крылов в начале 90-х годов, вообще говоря, шедший по пути, открытому в поэзии Державиным, поэт-новатор, в «Оде 1790 года» почти целиком зависит от примеров додержавинской литературы. Самое начало его оды: «Доколь сын гордыя Юноны. . .» и опять «Доколе, Марс, трубы военны Убийства будут возглашать? . .» повторяет синтаксический рисунок ломоносовского перевода оды Руссо «A la Fortune»: